Белорусский государственный университет

УДК 808 - 3 (043, 3)

ДАНИЧ Оксана Владимировна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ПОВЕДЕНИЯ
(на материале русской и белорусской фразеологии)

10. 02. 02 — Русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск 1998

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор ***В.А. Маслова***.

Официальные оппоненты — доктор филологических наук ***А.С. Аксамитов***; кандидат филологических наук, доцент ***С.В. Махонь***.

Оппонирующая организация — Гродненский государственный университет.

Защита состоится "____" _____ 1998 г. в ____ часов на заседании совета по защите диссертаций Д 02. 01. 11 при Белорусском государственном университете (220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан "____" _____ 1998 г.

Ученый секретарь совета по защите диссертаций Д 02.01.11 доктор филологических наук, профессор ***И.С. Ровдо***

© Данич О.В., 1998

20503635

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию культурно-национальных черт поведения русских и белорусов, репрезентированных во фразеологическом фонде соответствующих языков.

Специфика национального поведения в значительной степени определяется общественным сознанием, в частности, мировоззрением, специфическим для того или иного этноса. Помимо духовных факторов, национальная специфика поведения определяется особенностями материальной культуры общества, преобладающими видами деятельности, образом жизни. Совокупность поведенческих и культурных факторов находит свое отражение в языке, точно так же, как язык является мощным орудием развития материальной и духовной культуры общества. Указанное взаимодействие является предметом исследования нового направления в языкознании - лингвокультурологии (Л. Вейсгербер, Р.Ладо, В.Н Телия, В.А.Маслова, В.В Воробьев и др.).

Несмотря на близость этнического, языкового и культурного факторов для русских и белорусов, в их поведении можно наблюдать как идеоэтнические, так и универсальные черты. А.К.Байбурин писал, что "ритуальная стратегия поведения во многом определяет жизнь человека у восточных славян" [Байбурин 1993, с.16]. И действительно, поведение тесно связано с обычаями, традициями, ритуалами каждого народа, т.е. оно опосредовано культурой [Бромлей 1973].

Известно, что целые комплексы культурных традиций закрепляются во фразеологических единицах, ибо "фразеологический состав языка - это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание" [Телия 1996, с. 9].

Данное положение и обусловило наш интерес к отражению в идиомах русского и белорусского языков культурно-национальной специфики поведения. Использование в работе фразеологического материала именно двух языков позволило с достаточной объективностью говорить о сходстве и различиях поведенческих реакций на мир носителей русского и белорусского языков.

Следует сразу оговорить, что термины "фразеологизм" и "идиома" употребляются нами как синонимичные. Большее предпочтение мы отдаем термину "идиома", поскольку разделяем точку зрения В.Н.Телия на идиоматику как "бесспорное "ядро" фразеологии" [Телия 1996, с. 59].

Исследование проводилось на материале 900 фразеологизмов русского языка и около 600 белорусского, но скрупулезному анализу подвергнуты русские и белорусские идиомы, обладающие яркой внутренней формой, поскольку именно это свойство языковой единицы позволяет наиболее точно решить поставленные задачи (около 800 русских и белорусских идиом, сгруппированных по тематическому принципу и вынесенных в приложение 1).

Актуальность данного диссертационного исследования определяется необходимостью глубокого и всестороннего изучения отражения культурно-национальных аспектов человеческого поведения в идиомах русского и бело-

русского языков. Выполненная в русле приоритетной парадигмы современного языкознания - антропоцентрической лингвистики, данная работа поможет глубже раскрыть природу индивидуально-личностного фактора в языке.

Связь работы с крупными программами, темами. Диссертационное исследование выполнялось в рамках темы "Взаимодействие русского, белорусского и польского языков: состояние, проблемы, перспективы", которая разрабатывается в соответствии с планом научно-исследовательских работ кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им П.М. Машерова (1993-1998 гг.).

В данной работе ставилась цель рассмотреть по возможности полно и всесторонне отражение во фразеологическом составе русского и белорусского языков культурно-национальной специфики поведения.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие основные задачи:

1) обосновать наличие культурно-национальной специфики идиом, обозначающих поведение;

2) описать и классифицировать идиомы по их денотативному аспекту значения, выявить и обосновать различные виды коннотативного аспекта значения, а также определить степень зависимости культурно-национальной коннотации идиом от влияния вышеназванных аспектов семантики,

3) рассмотреть способы выявления культурно-национальной маркированности идиом, обозначающих поведение;

4) охарактеризовать внеязыковые и внутриязыковые источники формирования культурно-национально окрашенных идиом.

Объект исследования - идиомы русского и белорусского языков, обозначающие человеческое поведение.

Предмет исследования - отражение во фразеологическом составе русского и белорусского языков культурно-национальной специфики поведения.

Гипотеза - воплощением культурно-национальной специфики является образное основание идиомы в его взаимодействии со всеми компонентами семантической структуры языкового знака.

Методология и методы проведенного исследования. Данная работа выполнена в рамках антропологической парадигмы, которая предполагает перенесение в центр исследований человеческий фактор в языке и языковой фактор в человеке и его культуре. В ходе работы использовался метод последовательного компонентного анализа семантической структуры идиом, образующих идеографическое поле поведения, с последующим синтезированием полученной информации, направленным на выявление культурно-национальных черт поведения русских и белорусов. Было применено также параметрическое моделирование, т.е. использование макрокомпонентной модели семантики языкового знака. Диссертационное исследование выполнено на фразеологическом материале, так как в нем в сжатом виде синтезированы знания о национальном

поведении, и эта информация передается из поколения в поколение функционирующими идиомами

Научная новизна и значимость полученных результатов данной диссертации состоит в том, что впервые объектом лингвокультурологического анализа стали русские и белорусские идиомы, обозначающие человеческое поведение. Предпринята попытка выявления эксплицированных в макрокомпонентах семантики фразеологических единиц языка культурно-национальных особенностей сферы поведения русских и белорусов. Установлено, что образное основание идиом наиболее полно отражает культурно-национальную специфику поведения русских и белорусов, рассмотрены способы указания на эту специфику.

Практическая значимость полученных результатов Выводы и основные положения диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке вопросов лингвокультурологического анализа фразеологического состава русского и белорусского языков и в смежных дисциплинах (например, в психолингвистике, социолингвистике, этнолингвистике, социальной психологии, этнографии). Предложенную и апробированную модель описания фразеологических единиц целесообразно применять при составлении словарей идиом различных типов, словарей коллокаций и др.

В результате проведенного исследования сформулированы следующие основные положения, выносимые на защиту:

1. Область поведения членов лингвокультурной общности является национально специфичной, что находит свое отражение во фразеологическом фонде и русского, и белорусского языков .

2. Культурно-национальная окрашенность русских и белорусских идиом со значением поведения растворена в двух основных блоках семантики данных языковых знаков: денотативном и коннотативном. Денотативный включает в себя информацию, которая отображает типовое представление о внеязыковой действительности, т.е. поведении людей. Коннотативный блок несет информацию о факте (событии) поведения, что предполагает определенную реакцию реципиента в результате соотнесения образа с нравственными установками и нормами.

3. Квинтэссенция культурно-национальной специфики идиомы - ее образное основание. Выявление данной специфики возможно в ходе концептуального анализа семантики идиом, предполагающего рассмотрение всех компонентов семантической структуры в их взаимодействии и, как результат, соотнесение выведенного образного основания с определенным явлением культуры.

4. Такие явления культуры, как паремиологический фонд, ритуальные формы народной культуры, языковые стереотипы, эталоны, сравнения, символы, тексты религиозного характера служат источником и материалом формирования культурно-национально маркированных идиом, образующих идеографическое поле человеческого поведения.

Личный вклад соискателя. Подробно были проанализированы семантико-прагматические особенности фразеологизмов со значением поведения, отмечена их культурно-национальная специфика, которая имплицированна в 3-х подробно описанных нами типах значения - денотативном, коннотативном и образном

Апробация результатов диссертации состоялась на заседании кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета. Концепция, основные положения и выводы были изложены в докладах и сообщениях на научных конференциях молодых ученых и аспирантов Витебского государственного университета [1993, 1995], на международной лингвистической конференции "Проблемы преподавания русского языка в школах и вузах России, ближнего и дальнего зарубежья" [Тамбов, 1995], на Шестых международных чтениях "Е.Карский и современное языкознание" [Гродно, 1996], на II Международном симпозиуме "Фразеологизм и слово" [Новгород, 1996], на II Международной научной конференции "Язык и социум" [Минск, 1996], на VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі "Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства" [Витебск, 1997], на международной научной конференции "Язык, слово, действительность" [Минск, 1997].

Опубликованность результатов. По теме диссертации опубликовано 3 тезисов докладов на конференциях, 5 материалов выступлений на конференциях и 3 статьи в научных сборниках и журналах. Общее количество страниц опубликованных материалов - 30.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, общеи характеристики работы, трех глав, заключения, списка использованных источников и двух приложений. Объем диссертации - 107 машинописных страниц. Список использованных источников - 172 наименования, объем приложения 1 составляет 13 машинописных страниц, приложения 2 - 1 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, ее актуальность, новизна; определяется цель исследования и его задачи, подчеркивается теоретическое и практическое значение работы

В Главе 1 "Фразеологизмы со значением поведения как объект лингвистического исследования" кратко освещается история развития фразеологии, анализируются наиболее крупные работы по данному разделу языкознания, рассматриваются современные подходы к изучению фразеологического состава языка, т.е. дается краткий обзор литературы по проблеме.

В последние годы отмечается достаточно устойчивый интерес к исследованию культурно-национальных особенностей различных сфер человеческой деятельности, отраженных в языке определенного народа. Подобного рода исследования проводятся в рамках более общей проблемы - взаимосвязи языка и культуры. Взгляды на соотношение данных феноменов различны. Так, например, в работах С.К. Атановского, Г.А. Брутяна, Э.С. Маркаряна доказывается,

что язык практически не влияет на культуру, а лишь отображает ее как явление действительности. Существует прямо противоположная точка зрения: язык и культура не просто взаимосвязаны, но культура, по существу, детерминирована языком. В этой связи необходимо упомянуть концепцию В. фон Гумбольдта, гипотезу "лингвистической относительности" Э. Сепира, Б. Уорфа, различные школы неогумбольдтианцев. В рамках поставленной задачи нас интересует в первую очередь вопрос не об иерархии языка и культуры, а лишь об их взаимовлиянии. И если явления окружающего мира отражаются каждым языком присущим только ему способом, то и сами языки различаются своими языковыми картинами мира, обусловленными наличием уникальных духовных и культурных черт соответствующих языковых коллективов. Именно этот аспект культуры, отраженный в языке, мы сделали предметом своего интереса.

Поскольку данное диссертационное исследование строилось на достаточно детальном рассмотрении семантической структуры фразеологических единиц, обозначающих поведение человека, в разделе "Онтологические характеристики поведения" определен онтологический статус поведения, его роль в структуре личности, в коммуникации. Также рассмотрена трактовка поведения, его источников и структуры в рамках психологической и этнографической концепций. Отмечено, что поведение (как вербальное, так и невербальное), поступки имеют явно выраженную культурно-национальную окраску.

Глава 2 "Семантика и прагматика идиом, обозначающих поведение" посвящена детальному анализу семантики фразеологизмов с целью выявления культурно-национальных черт поведения русских и белорусов, отраженных в языке.

В разделе "Параметрическая модель значения идиом" представлена оригинальная блок-модель семантики языкового знака, разработанная В.Н.Телия, как "инвариантный" набор макрокомпонентов. Подобное представление значения языкового знака используется в нашей работе в качестве исходной "платформы" для рассмотрения и описания структурно-семантической и коммуникативной многоплановости значения идиом поведения.

Семантическая структура идиом представлена в этой модели следующими макрокомпонентами: 1) категориально-грамматическим; 2) денотативным; 3) оценочным; 4) мотивационным; 5) эмотивным; 6) стилистическим.

Денотативный макрокомпонент семантики идиом воплощает тот блок информации, который отображает явления экстралингвистической действительности, типовое представление о ней; оценочный макрокомпонент содержит оценочное суждение о свойствах обозначаемого, связанное с ценностной картиной мира данной языковой общности; мотивационный макрокомпонент указывает на ассоциативно-образную связь с обозначаемым того словозначения, которое может быть использовано для формирования нового; вызываемое образностью чувство-отношение к обозначаемому составляет тот тип информации, который представляет собой эмотивный макрокомпонент; стилистический

макрокомпонент содержит информацию об уместности/неуместности употребления данной идиомы в тех или иных социально значимых условиях речи.

Как видим, макрокомпонентная модель семантики идиом, обозначающих поведение, способна охватить все типы информации, содержащиеся в значении данных языковых единиц, в том числе имплицитно или эксплицитно представленную информацию с культурно-национальной окраской.

В разделе "Отражение культурно-национальных особенностей поведения в макрокомпонентах семантики русских и белорусских идиом" подвергнуто анализу представленное в русском и белорусском языках идеографическое поле поведения, расклассифицированное с учетом сходства денотативного компонента идиом. Данная классификация соблюдалась при последующем анализе остальных компонентов значения идиом, обозначающих поведение.

Выделено было 25 групп русских и белорусских идиом, таких, например, как "незаконное" поведение (*греть руки, давать на лапу, руку заскабіць, лапкі пагрэць*), нечестное, неискреннее поведение, введение в заблуждение (*заговаривать зубы, морочить голову, зубы замаўляць, адводзіць вочы*), униженное, угодливое поведение (*лизать пятки, валяться в ногах, боты цалаваць, поўзаць на каленях*), неосторожное, непокорное поведение (*закусить удила, встать на дыбы, біць у хамут, перці супраць ражна*), нанесение морального вреда вербально (*втаптывать в грязь, обливать грязью, выліваць памыі, мазаць дзёгцем*), оказание содействия, помощи (*протянуть руку помощи, вытащить из грязи, падстаўляць плячо, браць на буксір*), однократное нанесение физического ущерба другому (*намять бока, намылить шею, па карку заехаць, па грыбах даць*), нанесение физического/ морального ущерба методичными, постоянными действиями (*высасывать кровь, есть поедом, вантробы ад' ядаць, жыўцом есці*), поведение, направленное на физическое уничтожение адресата (*перегрызть горло, свернуть шею, у кулеш сцерці,у нівеч абярнуць*), пустое времяпрепровождение, деятельность, не приносящая должных результатов (*бить баклуши, плевать в потолок, слухаць як свіння вухае*), поведение, характеризующееся последовательностью/непоследовательностью поступков (*давать задний ход, стоять на своем, на свой капыл гнуць, заварочваць аглоблі*), поведение, определяемое как чрезмерная опека человека (*носить на руках, души не чаять, насіцца як з велікодным яйкам*), поведение, характеризующееся достижением превосходства над кем-либо (*утереть нос, заткнуть за пояс, наставіць нос, даваць фору*), вербальное поведение, имеющее целью оказать определенное воздействие на адресата (*вбивать в голову, надувать в уши, тыкать в глаза, вушы адзваніць, капаць на мозгі, дзяўбці ў галаву*), пустая болтовня, сплетничанье (*точить лясы, переливать из пустого в порожнее, разбирать по косточкам, ваду малоць, шыпулі абіраць, ад пят да галоў абмаўляць*).

В семантической структуре идиом поведения выделяется не только информация, указывающая на само поведение, но и скрытые сигналы, отображающие отношение к этой информации говорящего субъекта. Рациональная

оценка является результатом деятельности квалификативного мышления по соотнесению отображаемого в сознании поступка с общепринятым моральным эталоном.

В языковой картине мира носителей русского и белорусского языков представление об идеальной системе норм поведения отражено в семантике идиом, обозначающих поведение. Большинство фразеологических единиц, как и лексических, фиксируют отклонение от норм, подвергающееся негативной квалификации, так как отрицательный опыт членится более дробно, чем положительный. Именно поэтому в количественном отношении идиом, обозначающих поведение с отрицательной оценкой, гораздо больше, чем тех, в которых закреплен тип поведения с положительной оценкой.

Отрицательной оценке подвергаются, например, любые проявления "незаконного" поведения, такие, как подкуп - идиомы *замазать рот, дать барашка в бумажке, цюку ў руку*, воровство - *залезть в карман к кому-л., лапкі пагрэць*; обман, введение в заблуждение человека - *пускать пыль в глаза, замыльваць вочы*, униженное, угодливое поведение - *смотреть в рот, падаць лістам*; нанесение морального вреда вербально - *плевать в глаза, наводзіць цень*.

Резкому осуждению в языковой картине мира русских и белорусов подвергается несоблюдение норм, связанных с сохранением верности, - предательство 'ближнего': *за тридцаць сребреников продать кого-л., наставить рога*; методичное нанесение морального/физического ущерба - *тянуть душу, піць кроў з каго-н.*, доведение до смерти другого - *сжить со света, выпусціць кішкі*.

Отрицательную аксиологическую оценку получает пустословие, необоснованные высказывания - *сотрясать воздух, малоць лухту*; сплетничанье, злословие - *разбирать по косточкам, пусціць пагалоску*; негативно оценивается такой тип вербального поведения, как, *жевать мочалку, распускать язык, завесці катрынку, чортам свісцець*.

Сплошь и рядом "положение вещей" не соответствует идеальным нравственным нормам. Поэтому соответствие норме рассматривается как отклонение от привычного, но сопровождается положительной рациональной и эмотивной оценкой.

Положительно оценивается носителями русского и белорусского языков оказание содействия, помощи "ближнему", что закреплено в идиомах *ставить на ноги, вытаскивать из ямы, падстаўляць плячо, браць на буксір*; обретение самостоятельности - *становиться на крыло, распраўляць плечы*; вербальное поведение, которое характеризуется сдержанностью - *держать язык за зубами, придерживать язык*, искренностью - *говорить положа руку на сердце, душу разгарнуць*.

Мотивационный макрокомпонент, напрямую связанный с внутренней формой языкового знака, выполняет в семантической структуре идиом роль соединительного звена между информацией, описывающей "фрагмент" дейст-

вительности (поступок) и ориентированной на определенную систему ценностей и информацией культурно-национальной, выступающей в сознании носителей языка в виде образа, соотносящегося с абстрактным стереотипом, несущим в себе эмоциональную оценку. Картина мира отображена в тропеических основаниях фразеологизмов, образованных на основе тех выделенных в мировидении народа стереотипных для его жизни ситуаций, которые послужили основой для фразеологизмов. Таким образом, образное содержание фразеологизмов служит показателем культурно-национальной специфики поведения.

Так, например, ряд русских и белорусских идиом, обозначающих "незаконное" поведение, такое, как обогащение нечестным путем, воровство, взяточничество и т.д., имеют единый образный стержень: "рука - это орудие приобретения материальных благ (*греть руки, запускать руку во что либо, прыбіраць да рук, руку заскабіць, цюку ў руку*). Часто, раз речь идет о поведении, противоречащем морали данного языкового коллектива и вследствие этого осуждаемом, употребляется лексема "лапа" (*дать на лапу, лапкі пагрэць, накладваць лапу*). Наличие в данной группе идиом слова-компонента *карман (кішэнь)* можно объяснить тем, что эта деталь одежды предназначена для рук или для каких-либо предметов, которые попадают туда именно при помощи рук (*набивать карманы, залезть в карман к кому-либо, класці ў сваю кішэнь*).

В образном основании группы идиом, обозначающих поведение, направленное на создание препятствий в деятельности адресата, сама деятельность представляется как плавное, равномерное движение. Нарушить его можно, посягая на различные "средства", при помощи которых и осуществляется процесс. Такими средствами является колесо (*вставлять палки в колеса* - образ движущейся телеги), крылья (*подрезать крылья* - образ птицы, лишенной возможности летать), руки (*связывать руки* - двигаться со связанными руками крайне трудно), ноги (*путаться под ногами, не давать и шагу ступить, подставлять ножку, не давать ходу* - посягательства на самое главное для человека "средство" передвижения). Для белорусских идиом с подобным значением более типичен образ дороги, создав на которой какое-либо препятствие, можно помешать самому движению (*дарогу перасякерваць, станавіцца папярок дарогі, на перашкодзе стаяць, шостку падкідаць*).

Анализируя мотивационный макрокомпонент семантики идиом, обозначающих вербальное нанесение морального вреда адресату, можно увидеть в их составе устойчиво повторяющуюся лексему "грязь". Думается, что эта лексема выполняет функцию символа, т.е. награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом: грязь - символ моральной нечистоты. Поэтому человек, оказавшись жертвой клеветы, оскорбления, унижения, несправедливого обвинения, становится в представлении русских и белорусов как бы запачканным (*втаптывать в грязь, обливать грязью, мешать с грязью, таптаць у гразь, ліць бруд*). В языковом сознании носителей белорусского языка символом моральной нечистоты являются также помои (*выліваць памыі*) и деготь (*мазаць дзёгцем* - результат расширения семантики конкретного обычая - дегтем маза-

ли ворота дома, где жила девушка, потерявшая честь). Таким образом, слова или словосочетания, получившие символьное прочтение, становятся источником культурно-национальной интерпретации фразеологизмов.

В идиомах, обозначающих поведение, нацеленное на подчинение адресата, подавление его воли, можно увидеть общую для них метафору: "отнять свободу воли - это лишить свободы действий". Эта метафора как бы указывает на общий стиль мировидения, проявляющийся в отборе таких образных ситуаций, которые воспринимаются лингвокультурной общностью как стереотипные для выражения номинативного замысла "лишить своей воли". Эти ситуации отражают обычно "житейские" способы подавления воли, что видно из буквальных значений идиом: *держать в ежовых рукавицах* (попытка вырваться причинит боль), *держать в кулаке* (замкнутое пространство, без выхода), *связывать по рукам и ногам* (нет возможности двигаться), *хватать за горло* (попытка освободиться создает угрозу для жизни). Как видно, во внутренней форме названных идиом акцентируется такая черта переосмысленных сцен, фрагментов, как полная или почти полная неподвижность адресата действия.

В русских и белорусских идиомах с подобным значением можно увидеть следы метафор из области животного мира. Для носителей русского языка ситуация подчинения связана с образом собаки (*держать на привязи, прижать хвост*). В языковой картине мира белорусов присутствует образ лошади как тяглового домашнего животного, действиями которого (правда, при наличии на ней упряжи) руководит человек (*на аброці трымаць, у аглоблі загнаць, надзяваць аброць, запрагаць у аглоблі*), сходный образ вола (*надзяваць ярмо на шыю*). Таким образом, в белорусских идиомах со значением поведения, направленного на подавление воли другого человека, просматривается признак ограниченности в движениях из-за присутствия особых приспособлений.

Называя поведение, направленное на нанесение прямого физического ущерба адресату, русские и белорусы употребляют идиомы, объединенные общим признаком - физическое воздействие влечет за собой травмирование тела. Травмироваться могут различные части тела: шея (*намять холку, дать по шее, накостылять по шее, па карку заехаць*), зубы и губы (*дать по зубам, па грыбах даць*), кожный покров (*спустить шкуру, па пер'і даць, усыпаць гарачых*), туловище (*намять бока, даць у косці*). Подобные действия не имеют своей целью доведение до смерти, в отличие от тех, которые направлены на физическое уничтожение адресата. Во втором случае повреждаются жизненно важные органы (*сорвать голову, перегрызть горло, свернуть шею, скруціць шыю, выпусціць кішкі*), либо осуществляется такое воздействие, в результате которого человек превращается в ничто (*стереть в порошок, у нівеч абярнуць*). В данной группе выделяются также белорусские идиомы, имеющие единую образную мифологическую основу - земли как символа смерти (*з зямлёю змяшаць, на чорную зямлю скапытаваць, з зямлею знодаць*), предположительно, ритуальную основу (*у кулеш сцерці, зрабіць блін* - блины, а часто и кулеш являлись традиционной принадлежностью поминального стола) и языческую -

даць перуноў, даць чарцей. Уместно привести подтвержденный многими исследователями факт, что белорусы в большей степени остались язычниками, в сравнении, скажем, с русскими.

Широко распространенное представление о могущественной и таинственной силе слова нашло свое отражение в русских и белорусских фразеологизмах, где слова как бы приобретают свойства реальных, осязаемых предметов, которыми можно производить различные операции. Так, например, для обозначения вербального поведения, имеющего своей целью оказать определенное воздействие на адресата, используются идиомы *вбивать в голову* (слово как нечто твердое, и потому с трудом "заталкивается"), *вправлять мозги* (они не на месте, и, используя слово в качестве инструмента, можно расположить их так, как положено), *капаць на мозгі, дзяўбці ў галаву* (настойчиво, методично стараться поместить в голову слова), *тыкать в глаза, пароць вочы* (слово воспринимается как заостренный предмет, и им можно повредить орган зрения), *тянуть за язык* (словом, как клещами, можно вытянуть язык, привести его в движение), *надувать в уши, вушы адзваніць* (слово представляется как постоянно действующая воздушная или звуковая волна), *снимать стружку* (словом, как плотничьим инструментом, можно "удалять" с человека все "лишнее").

Для обозначения речевого поведения, при котором объект говорит вещи совершенно несуразные, неправдоподобные, носители белорусского языка используют идиомы, метафора которых представляет собой "соединение несоединимого" (*грушы на вярбе вярзці, казу лабатую плесці, пра жураўля на хвойцы расказваць, бобу ў гаросе шукаць, смалянога дуба плесці, рабой кабыле сон расказваць*). Итак, именно система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, связана с материальной и духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях. Иначе говоря, образное основание (в том числе и включающее в себя культурно маркированные реалии) воплощает культурно-национальную специфику фразеологизмов.

Следующим шагом в данной работе был анализ эмотивного макрокомпонента семантики идиом, обозначающих человеческое поведение, так как само поведение прежде всего подлежит интерпретации в его соотнесении с эмоциональной оценкой.

Наиболее естественным путем изучения семантики эмотивно-оценочной модальности представляется рассмотрение образующих ее чувств-отношений как психических универсалий в форме экстенсионалов этих отношений

Под экстенсионалом понимается набор релевантных черт или параметров, образующих некую типовую ситуацию в мире. Эти черты, отражаясь в сознании в виде какого-либо образа-символа, вызывают определенное эмоционально-оценочное отношение Были рассмотрены отдельные виды эмотивно-оценочных отношений - презрения, осуждения, порицания, одобрения

Один человек "презирает" другого тогда, когда речь идет о поступках, противоречащих основным общечеловеческим нравственным принципам личной и общественной жизни субъекта. Поводом для отношения презрения могут стать поступки, которые отражены в группе русских и белорусских идиом, обозначающих униженное, угодливое поведение (*валяться в ногах, лизать зад, боты цалаваць, лістам слацца* и др.), предательство (*продать за тридцать сребреников, променять на чечевичную похлебку* и др.). Подобное поведение является резким нарушением нравственных норм, связанных с сохранением верности. Кроме того, контекстное прочтение данных идиом, являющихся аллюзиями к библейским текстам, позволяет связывать образ конкретного индивида с образом Иуды (символа вероломства).

Осуждению подлежит поведение человека, который сознательно и целенаправленно нарушает общепринятые социальные нормы (юридически закрепленные или являющиеся "неписанными законами" данного социума). Поводом для осуждения становится такое закрепленное в идиомах поведение индивида, как "незаконное" поведение (*нагреть руки, запускать лапу во что-л., накладваць лапу, руку заскабіць* и др.), нечестное, неискреннее поведение (*кривить душой, втирать очки, чмуту ў вочы пускаць, з поля зводзіць*), вербальное нанесение морального вреда (*мешать с грязью, плевать в душу, выліваць памыі, мазаць дзёгцем*), нанесение физического и морального ущерба (*спустить шкуру, намять бока, высасывать кровь, тянуть жилы, кулакамі пачаставаць, на горкі яблык збіць, жыўцом есці, вантробы ад'ядаць*)

Порицание отличается меньшей строгостью отрицательной оценки по сравнению с осуждением, так как в этом случае субъект относится к объекту в целом хорошо, и потому более снисходителен к его недостаткам. Порицания заслуживает стремление человека чрезмерно опекать другого, что нашло отражение в идиомах *носить на руках, сдувать пыль, гладить по головке*; пассивное поведение - *плыть по течению, ждать у моря погоды, жыць як набяжыць, за вадой ісці*; вербальное поведение, имеющее своей целью направить деятельность адресата в нужном для себя русле - *вбивать в голову, надувать в уши, капаць на мозгі, вушы адзваніць*.

Следует отметить, что провести четкую классификацию чувств-отношений к объекту оценки достаточно трудно. Как показывает фактический материал, экстенсионалы различных эмотивно-оценочных отношений могут наслаиваться друг на друга, что объясняется чаще всего чрезвычайной "размытостью", диффузностью семантики идиом, обозначающих поведение. Так, например, в группе идиом, обозначающих униженное, угодливое поведение, отношение презрения коррелирует с отношением пренебрежения к лицу, ведущему себя подобным образом. Заметим, что чувство-отношение пренебрежения характеризуется меньшей по сравнению с презрением интенсивностью эмоционального переживания и связано больше с индивидуальными качествами, нежели социальными нормами.

В зависимости от ряда факторов, формирующих коммуникативную задачу, отношение осуждения может пересекаться с отношением порицания, как, например, в идиомах, обозначающих неосторожное, непокорное поведение, пустое времяпрепровожденье.

Одобрительного отношения заслуживает оказание содействия, помощи адресату, отраженное в русских и белорусских идиомах *протянуть руку помощи, вытащить из грязи, падстаўляць плячо, браць на буксір*, обретение самостоятельности - *расправлять крылья, у пер'е брацца*, вербальное поведение, характеризующееся искренностью, - *говорить положа руку на сердце, душу разгарнуць*; сдержанностью - *держать язык за зубами, язык зубамі прышчаміць*. Как видим, в результате анализа эмотивного макрокомпонента семантической структуры идиом русского и белорусского языков не выявлено сколько-нибудь значимых отличий в языковой картине мира русских и белорусов, что объясняется близким родством данных языков и универсальностью эмоций, сам перечень которых отражает общечеловеческий опыт осмысления психической жизни человека.

Стилистический макрокомпонент семантики идиом указывает на социально значимые условия употребления идиом в речи. Мы разделяем точку зрения В.Н. Телия о том, что причиной стилистической дифференциации является предварительное знание говорящего об уместности/неуместности выбора данного языкового знака (в нашем случае идиомы) в определенных социально маркированных условиях речи. Следовательно, классификации должны подлежать именно эти речевые ситуации. Были проанализированы нейтральная речевая ситуация, или речевой стандарт (*вставлять палки в колеса, втаптывать в грязь, мутить воду, падстаўляць плячо, выносіць на сваіх плячах, біць трывогу*), неформальная ситуация (*валяться без задних ног, вешать лапшу на уши, ездить верхом, вуглы абціраць, язык аб зубы біць, вярзці грушы на вярбе*), фамильярная (*драть глотку, заливать баки, качать права, капаць на мазгі, капыліць губу, лыпаць вачамі*), грубо-фамильярная (*моча в голову ударила, нажраться до поросячьего визга, класть с прибором, лезці пішчом, паказваць кукіш у кішэні, адкідваць капыты*), традиционная стилистическая помета книжное (*витать в облаках, продать за тридцать сребреников, петь дифирамбы, адыходзіць у вечнасць, спачываць на лаўрах, кідаць выклік лёсу*).

Как выяснилось, стилистический макрокомпонент семантики идиом не оказывает влияния на формирование культурно-национальной коннотации и не может служить ее показателем, поскольку содержит знание об условиях речи, т.е. о конкретных речевых ситуациях.

Таким образом, макрокомпонентная модель семантики идиом, обозначающих поведение, способна охватить все типы информации, содержащиеся в значении данных языковых единиц.

В главе 3 "Культурно-национальные особенности поведения русских и белорусов по данным анализа идиом" синтезирована культурно-национально окрашенная информация, полученная в результате анализа семантики идиом,

обозначающих поведение. При описании содержания культурно-национальной коннотации идиом использовались приемы лингвокультурологического анализа, разработанного В.Н. Телия и ее школой. Подобного рода анализ предполагает использование проявлений языка культуры как источники формирования и функционирования культурно-национально маркированных идиом. К таким источникам можно отнести следующие явления культуры: ритуальные формы народной культуры (сватовство, поминки, поверья, мифы, заклинания и т.п.), паремиологический фонд, система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях, слова-символы или слова, получившие символьное прочтение, христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами, интеллектуальное достояние нации и человечества в целом, сведения о реалиях, которые служат предметом описания в страноведчески ориентированных словарях. Названные источники являются внешними по отношению к языку семиотическими кодами культуры. Существует внутриязыковой ресурс культурной интерпретации фразеологизмов - это само образное содержание, которое служит подсказкой для культурно-национальной интерпретации.

Анализ фразеологизмов со значением поведения, мотивационного макрокомпонента семантики данных языковых единиц и его взаимодействия с другими макрокомпонентами позволил в общих чертах выяснить, какими чертами для носителей русского и белорусского языков обладает сфера человеческого поведения.

Так, например, группа русских и белорусских идиом, обозначающих "незаконное" поведение, такое, как обогащение нечестным путем, воровство, взяточничество, имеет единое образное основание: "рука - это орудие приобретения материальных благ" (*нагреть руки, запустить руку, руку заскабіць*), подобное поведение является нарушением закона, влечет за собой уголовную ответственность, а именно расценивается как преступление против собственности либо как должностное преступление [УК РБ, ст. 87, 90, 91, 169, 170; УК РФ, ст. 89, 90, 92, 93] и подлежит осуждению, так как человек должен зарабатывать на жизнь честным путем. Основание для такого отношения можно найти в библейской прескрипции: "Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтоб было из чего уделять нуждающемуся" [Евангелие, Еф. 4:28] и в пословицах: "*воровство - последнее ремесло*", "*вору виселица да кнут*", "*богатство лишь то на пользу, кос праведным трудом нажито*". Однако можно заметить, что бытовой взгляд на эту установку не однозначен, что подтверждается существованием пословиц "*от трудов праведных не наживешь палат каменных*", "*прибыль лучше стыда*", "*мазалёваю працай не збудуеш палацаў*", "*не ўзяўшы на душу не хадзіць у кунтушу*".

Часто в данных идиомах слово-компонент рука заменяется на стилистически сниженную лексему *лапа* (*дать на лапу, лапкі пагрэть*), вызывая ассоциативное отождествление человека с животным и, как результат, более сильную отрицательную эмотивную оценку: осуждение с долей пренебрежения. Га-

кое представление о "незаконном" поведении характерно и для русских, и для белорусов.

В представлении русских деятельность (любая) - это процесс движения. Поэтому для русских нарушить процесс деятельности другого можно, посягая на "средства", с помощью которых и осуществляется движение - колеса (*вставлять палки в колеса*), крылья (*подрезать крылья*), ноги (*путаться под ногами*). Белорусы делают акцент на саму дорогу, по которой осуществляется движение (деятельность). Поэтому в белорусских идиомах, обозначающих поведение, направленное на создание препятствий в деятельности другого, все помехи как раз и создаются на дороге (*шостку падкідаць, на перашкодзе стаяць*).

Подобное поведение можно рассматривать как нарушение прав личности, что и нашло отражение в эмотивном отношении к такого рода поступкам - в их осуждении

Как уже говорилось выше, идиомы, в составе которых оказываются слова-символы, обладают достаточно ярко выраженной культурно-национальной спецификой. Так, например, при анализе группы идиом, обозначающих вербальное нанесение морального вреда адресату, выяснилось, что устойчиво повторяющееся слово-компонент "грязь" становится символом моральной нечистоты. Носители белорусского языка также награждают подобным символьным значением и лексемы "помои" ("памыі"), "деготь" ("дзёгаць"): *бросать грязью, топтать в грязь, выліваць памыі, мазаць дзёгцем* и др.

Нанесение морального вреда человеку, такое, как клевета, оскорбление и т.п. несомненно осуждается, поскольку является нарушением норм поведения, что закреплено юридически [УК РБ, ст. 128,129; УК РФ, ст.130, 131] и в христианской традиции: "И сказал им: никого не обманывайте, не клевещите" [Евангелие, Лк. 3:14]. Подобная рациональная оценка данных поступков подкрепляется и эмотивной: недобрые слова, сказанные в твой адрес, словно грязь, пачкают, и в представлении русских и белорусов человек, например, оклеветанный, становится нечистым, что причиняет ему страдания: посл. "*осрамить человека то же, что голову снять*".

Особый интерес для попытки анализа языкового отражения менталитета русских и белорусов представляют идиомы, формирующие идеографическое поле вербального поведения, ибо, как пишет И.М. Снегирев, "...слово с духом народным соединено неразрывным и тайным союзом, как тело с душою" [Снегирев 1997, с. 152].

Часть данных идиом основана на архетипичной вере человека в волшебную силу слова, его всемогущество. Особую цену имеют добрые слова: пословицы "*доброе и ласковое слово лучше мягкого пирога*", "*доброе слово не водой унеси*", "*кроткое слово гнев разрушает*". Зачастую слова представляются в функции конкретных предметов, которыми можно манипулировать, как, например, в идиомах со значением поведения, имеющего своей целью оказать определенное воздействие на адресата: *вбивать в голову, тыкать в глаза, сни-*

мать стружку, пароць вочы, дзяўбці ў галаву и др. Интересно отметить, что в значении данных идиом носителями и русского, и белорусского языка актуализирована "корыстность" субъекта речи, его интенция - стремление направить деятельность адресата в нужном для себя русле, когда, скорее всего, адресат совсем этого не желает. Внутренняя форма этих идиом указывает на ситуации, связанные с таким видом насилия над человеком, как пытка, поэтому содержанием культурно-национальной коннотации данной группы будет являться восприятие слова как образа орудия пытки.

Слово как продукт речевой деятельности представляется в виде предмета, который можно бросать (*бросать слова на ветер, на звей вецер гаварыць, праўду ў вочы кідаць*), текучей жидкости (*переливать из пустого в порожнее, перемывать косточки, мыць косці*), слово в представлении человека обладает "волшебной" силой (*делать из мухи слона, з камара каня рабіць, з ветру вяроўку віць*).

Как представляется, подобное восприятие слова по природе своей архетипично, что нашло свое воплощение в древних мифах, где слово всемогуще, а также как отражение библейской прескрипции: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" [Евангелие, Иоан. 1:1]

Анализируя русские и белорусские идиомы, мы установили, что, характеризуя вербальное поведение человека, который рассказывает небылицы, белорусы используют идиомы, метафора которых являет собой "соединение несоединимого": *казу лабатую плесці, пра жураўля на хвойцы расказваць* и др. Для носителей русского языка такие выражения менее характерны.

Итак, культурно-национальная специфичность человеческого поведения, нашедшая свое отражение во фразеологических фондах русского и белорусского языков, может быть выявлена при концептуально-идеографическом анализе идиом с соответствующим значением. Как представляется, данную задачу следует решать путем соотнесения выявленного единого образного основания группы идиом с тем или иным явлением культуры, формирующим ее культурно национальную специфику.

Таким образом, описание компонентной структуры значения идиом с использованием приемов лингвокультурологического анализа, проведенное в данном исследовании, позволило выявить некоторые культурно-национальные черты поведения русских и белорусов, репрезентированные во фразеологических фондах соответствующих языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы данного диссертационного исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Проведенное диссертационное исследование показало теснейшую связь большинства русских и белорусских идиом, обозначающих поведение человека, с культурным ландшафтом, в котором проходил генезис русского и белорусского этноса [1,4]. Идиомы со значением поведения более ярко нацио-

нально маркированны, чем, например, идиомы деятельности, и в силу этого являются богатейшим источником изучения истории, культуры, быта и языка народа [8]. Включение русских и белорусских идиом с указанным значением в число объектов лингвокультурологического анализа стало возможным лишь благодаря новейшим достижениям общей фразеологии, основным объектом которой стало изучение устойчивых сочетаний в рамках антропологической научной парадигмы [3; 8; 9].

2. Исследование идиом, составляющих идеографическое поле поведения, с точки зрения их культурно-национальной специфики следует проводить, детально рассматривая денотативный и коннотативный блоки их семантической структуры, каждый из которых в различной степени репрезентирует культурно-национально окрашенную информацию [1]. Коннотативный блок значения содержит следующие сведения: о рационально-оценочном отношении к самому обозначаемому, которое может служить индикатором ценностной ориентации субъекта речи [5]; об эмотивном отношении, свидетельствующем о психологическом восприятии субъектом не столько самого обозначаемого, сколько его образного аналога [10]; о культурно-национальной рефлексии субъекта, которая соотносит образное содержание фразеологизма с эталонами и стереотипами культурно-национального мировидения и миропонимания [2; 3; 11]; об осознанной дифференциации тех условий речи, в которых уместно/неуместно использовать данный фразеологизм [6].

3. С помощью ряда методов исследования была проанализирована семантика русских и белорусских поведенческих идиом. Это позволило установить, что наиболее ярким средством выражения культурно-национальных черт поведения народа, отраженных в языке, является образное основание идиом, представленное в данной работе как мотивационный макрокомпонент значения языкового знака, который органически аккумулирует в себе как опыт отдельной личности, так и сложившееся за века представление об определенном объекте действительности всего суперэтноса [7]. Средством указания на культурно-национальную специфику служит интерпретация единого образного основания группы идиом с тем или иным явлением культуры [3; 8].

4. Явления культуры определенного народа, к которым можно отнести паремиологический фонд, тексты религиозного характера, систему образов-эталонов, слова-символы, интеллектуальное наследие нации, ритуальные формы народной культуры, национально маркированные реалии, служат базой формирования идиом с выраженной культурно-национальной принадлежностью [3; 8; 11].

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Некоторые проблемы преподавания русской фразеологии в вузах Беларуси (на материале фразеологизмов деятельности) // Проблемы преподавания рус. яз. в шк. и вуз. России, ближнего и дальнего зарубежья. Тез. докл. междунар.

лингв. конф. Тамбов. 3-6 мая 1995 г. / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. - Тамбов, 1995. - С. 50-51.
2. Модальность как компонент семантики фразеологических единиц (на материале фразеологизмов поведения) // Фразеологизм и слово в системе языка: Тез. докл. и сообщ. междунар. симпозиума, Новгород, 21-23 мая 1996 г. / НовГУ. - Новгород, 1996. - С. 131-132.
3. Опыт концептуально-идеографического анализа культурной специфики фразеологизмов // Язык, слово, действительность. Тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 22-23 мая 1997 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. - Минск, 1997. - С. 184-186.

4. Национально-культурная специфика семантики языковых единиц: Матэрыялы II навук. канф. аспірантаў і маладых вучоных / Віцебск. пед. ін-т. - Витебск, 1993. - С. 31-32.
5. Е.Ф. Карский о русском и белорусском языках (на фразеологическом материале) // Е. Карский и современное языкознание: Материалы шестых научных чтений / Гродненск. ун-т. - Гродно, 1996. - С. 116-119.
6. Функционирование идиом поведения в тексте (на материале языка Н.В.Гоголя) // Література та культура Полісся. - Вип. 9. Творча спадщина пісьменників Полісся (М. Гоголя, Э. Гребінки, Л. Глібова, П. Кулиша, П. Тычини та інш.) та особливості мови їх творів / Упорядн. і відповід. ред. Г.В. Самойленко. - Ніжин: НДПІ, 1997. - С. 26-28.
7. Культурно-национальная специфика славянских идиом, образующих концепт "обман" // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства: Матэрыялы VI міжнар. навук. канф. / Віцебск. дзярж. ун-т. - Віцебск, 1997. - С. 159-162.
8. Менталитет русских и белорусов в поведении (на фразеологическом материале) // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы междунар. науч. конф. / Минск. гос. лингв. ун-т. - Минск, 1997. - С. 66-71.

9. Некоторые особенности влияния языка на становление поведенческого менталитета нации // Некоторые вопр. обучения и воспитания: Сб. ст.: Отв. за вып. В.И. Турковский. - Витебск: Витебск. гос. ун-т, 1996. - С. 131-133.
10. Эмотивный макрокомпонент семантики идиом поведения (на фразеологическом материале русского и белорусского языков) // Веснік ВДУ. - 1996. - №2 (2). - С. 79-83.
11. Явления культуры как источники формирования идиом поведения // Веснік ВДУ. - 1998. - № 1 (7). - С. 48-52.

РЕЗЮМЕ

Данич Оксана Владимировна

Лингвистический аспект культурно-национальной специфики поведения (на материале русской и белорусской фразеологии)

Ключевые слова: лингвокультурология, идиомы поведения, культурная коннотация, макрокомпонентная модель семантики идиом, денотативный макрокомпонент, оценочный макрокомпонент, эмотивный макрокомпонент, образный макрокомпонент, культурно-национальная специфика идиом, концептуально-идеографический анализ идиом, источники идиом.

Объектом исследования являются фразеологические единицы русского и белорусского языков, обозначающие человеческое поведение. Предмет исследования - культурно-национальная специфика поведения русских и белорусов, отраженная в языке как трансляторе культурной информации. В работе рассмотрено около 800 русских и белорусских идиом с соответствующим значением. Цель работы состояла в выявлении культурно-национальной специфики поведения, отраженной в языке.

В ходе работы была применена макрокомпонентная модель семантики идиом. Также использовались приемы лингвокультурологического анализа.

В диссертации выявлены специфические характеристики поведения русских и белорусов, зафиксированные в идиомах. Научная новизна полученных результатов состоит в том, что впервые объектом специального рассмотрения явилась культурно-национальная специфичность человеческого поведения, нашедшая свое отражение во фразеологических фондах русского и белорусского языков. Этот феномен может быть выявлен при концептуально-идеографическом анализе идиом поведения. Данная задача была решена путем соотнесения выявленного единого образного основания группы идиом с определенным явлением культуры, формирующим ее культурно-национальную специфику.

Результаты исследования могут быть использованы при освещении вопросов фразеологии русского и белорусского языков, в разработке методики обучения данным языкам, в курсе общего языкознания и культурологии, который читается на гуманитарных факультетах.

РЭЗЮМЕ

ДАНІЧ АКСАНА УЛАДЗІМІРАУНА

ЛІНГВІСТЫЧНЫ АСПЕКТ КУЛЬТУРНА-НАЦЫЯНАЛЬНАЙ СПЕЦЫФІКІ ПАВОДЗІН (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ)

Ключавыя словы: лінгвакультуралогія, ідыёмы паводзін, культурная канатацыя, макракампанентная мадэль семантыкі ідыём, дэнататыўны макракампанент, ацэначны макракампанент, вобразны макракампанент, культурна-нацыянальная спецыфіка ідыём, канцэптуальна-ідэаграфічны аналіз ідыём, крыніцы ідыём.

Аб'ект даследавання - фразеалагічныя адзінкі рускай і беларускай моў, якія абазначаюць чалавечыя паводзіны. Прадмет даследавання - культурна-нацыянальная спецыфіка паводзін рускіх і беларусаў, адлюстраваная ў мове як транслятары культурнай інфармацыі. У працы разгледжана каля 800 рускіх і беларускіх ідыём з адпаведным значэннем. Мэта працы заключалася ў выяўленні культурна-нацыянальнай спецыфікі паводзін, адлюстраванай у мове.

У ходзе работы была прыменена макракампанентная мадэль семантыкі ідыём. Таксама выкарыстоўваліся прыёмы лінгвакультуралагічнага аналізу.

У дысертацыі выяўлены спецыфічныя характарыстыкі паводзін рускіх і беларусаў, зафіксаваныя ў ідыёмах. Навуковая навізна атрыманых вынікаў заключаецца ў тым, што ўпершыню аб'ектам спецыяльнага разгляду стала культурна-нацыянальная спецыфіка чалавечых паводзін, якая знайшла сваё адлюстраванне ў фразеалагічных фондах рускай і беларускай моў. Гэты феномен магчыма выявіць пры канцэптуальна-ідэаграфічным аналізе ідыём паводзін. Дадзеная задача была вырашана шляхам суаднясення выяўленай адзінай вобразнай асновы групы ідыём з пэўнай з'явай культуры, якая фарміруе яе культурна-нацыянальную спецыфіку.

Вынікі даследавання могуць быць выкарастаны пры асвятленні пытанняў фразеалогіі рускай і беларускай моў, распрацоўцы методыкі навучання гэтым мовам, у курсе агульнага мовазнаўства і культуралогіі, якія чытаюцца на гуманітарных факультэтах.

SUMMARY

Oksana V Danitsh

LINGUISTIC ASPECT OF CULTURAL AND NATIONAL SPECIFIC CHARACTER OF BEHAVIOUR (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND BELARUSIAN PHRASEOLOGY)

Key words: linguistic culturology , idioms of behaviour, cultural connotation, macrocomponent pattern of semantics of idioms, denotative macrocomponent, estimation macrocomponent, image macrocomponent, cultural and national specific character of idioms, conceptual ideographic analysis of idioms, sources of idioms.

The dissertation is dedicated to the research on cultural and national specifics of behaviour of Russians and Belarusians, represented in phraseological funds of the corresponding language, which serves as a transmitter of cultural information. Phraseological units of the Russian and Belarusian languages, revealing human behaviour are the object of the research.

In the work more than 800 Russian and Belarusian idioms with corresponding meaning have been examined.

The aim of the work is to disclose cultural and national specific character of behaviour revealed in the language.

In the course of the work we have applied the macrocomponent pattern of idioms as well as methods of linguistic and culturological analysis.

Scientific novelty of the obtained results is that for the first time culture and national specific character of human behaviour, reflected in phraseological fund of the Russian and Belarusian languages has become the object of special research. This phenomenon can be diclosed by way of conceptual ideographic analysis of the behavioural idioms.

This goal can be achieved by way of correlating of the revealed common image basis of the group of idioms with the cultural phenomenon, which forms its culture and national specific character.

The results of the research can be applied while studying phraseological issues of the Russian and Belarusian languages, while working out methods of teaching these languages, in the courses of linguistics and culturology, which are lectured on Arts faculties.